

УДК 81' 271; 82. 085; 808. 5

ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ДУХЕ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Е.С. Кара-Мурза

В статье рассказано о двойном вузовском варианте лингвоконфликтологии; он является пропедевтическим курсом к теории и практике судебной лингвистической экспертизы и должен служить профилактике информационных споров и судебных разбирательств в журналистике и в рекламе. Статья вносит вклад в развитие широко понимаемой проблематики лингвоэкологии и профессиональной культуры речи медиарботников. В лингвоконфликтологии к триаде норм (языковых, коммуникативных, этических), которые задают критерии культурно-речевой оценки, добавлена важная надстройка, знаменующая высший уровень регуляции речевой деятельности: нормы профессиональной этики и права.

Ключевые слова и фразы: лингвоправовая конфликтология; профилактика информационных споров; формирование профессиональной культуры речи работников масс медиа.

LINGUO-CONFLICTOLOGY AS A TREND OF LINGUO-ECOLOGY

E.S. Kara-Murza

The article demonstrates a dual version of linguo-conflictology in university education; it is a propedeutical course to theory and practice of linguistical expertise and should serve to prevent informational argument and court proceedings in journalism and advertising. The article contributes to the development of linguo-ecology and professional speech culture of media workers. To the linguo-conflictological tripecta of standards (linguistics, communication, ethics), which define the criteria of cultural and speech evaluation, this article adds an important superstructure, signifying the highest level of speech activity regulation: norms of professional ethics and law.

Keywords and phrases: linguo-legal conflictology; prevention of informational argument; forming of professional speech culture of media workers.

Экологический подход к функционированию русского языка возник в России начала 90-х г. XX в. в рамках отечественной лингвистики и на фоне концепции культуры речи в ситуации масштабных социально-политических и экономических перемен, воспринятых в том числе как катастрофа. Они сопровождались резкими изменениями коммуникативных конвенций во всех речедетельностных сферах, что оценивалось как кризис русской речи, за которым скрывается опасный переворот в русской картине мира, в национальной системе ценностей. В свою очередь речеповеденческие изменения отражались в узусе, в том числе стилистически значимом: и в повседневности, и в масс медиа, и в политическом дискурсе. Это дало повод для негативной интерпретации динамики языковой системы и для постановки задачи оздоровления русского литературного языка и исцеления русского духа.

Любые изменения (как отрицательные, так и положительные) движутся разного рода противоречиями, тайными и явными, которые воплощаются в конфликтах конкурирующих или прямо противоборствующих сил. Поэтому анализ перемен в языке и речи может осуществляться в конфликтологических терминах. Важно, что этот подход имеет прикладную направленность: он служит профилактике и разрешению речевых конфликтов. А значит, лингвоконфликтология (далее – ЛКЛ) может войти в лингвоэкологическую парадигму, с ее установкой на использование научных достижений для повышения речеповеденческой культуры носителей русского языка.

Конфликтогенность человеческой деятельности (в том числе речевой) и поведения была проблематизирована в мировой гуманитаристике второй половины XX в., и на стыке наук возникла конфликтология, для которой «родительскими» стали, с одной стороны, социология, изучавшая конфликтное взаимодействие в масштабах общества (от локальных до глобальных, от групп людей до народов) и в содержательных вариантах от производственных споров до военных действий; а с другой – психология, где конфликт рассматривается на индивидуальном уровне – как интра- или интерпсихическое явление; его масштаб варьируется от внутри- до межперсонального и группового, а сущность обусловлена особенностями взаимодействующих личностей, в свою очередь мотивированными и биологически, и социально. Эта наука дифференцирована по институциональным сферам в соответствии с основным принципом классификации конфликтов и породила такие частные направления, как политическая, управленческая, юридическая, речевая / лингвистическая конфликтология; сформировалась вузовская дисциплина – и как универсальный, и как дифференцированный курс; в России она преподается с начала 1990-х г. [Конфликтология для XXI века 2009]. В ЛКЛ конфликты изучаются и описываются по общему стандарту этой науки: изучается объективная и субъективная сторона конфликтов: рабочие и коммуникативные ситуации, конфигурация участников; на основании разнообразных причин возникновения конфликтов дается подробная и многоаспектная их классификация [Кара-Мурза 2011]. Она может рассматриваться и как самостоятельная отрасль общей конфликтологии, и как сегмент нескольких частных.

Дублетные термины употребляются для ее обозначения в силу параллельного возникновения коллективов, направлений, изданий по этой проблематике. Номинация «речевая конфликтология» связана с петербургской школой во главе с С.Г. Ильенко. Парные термины «лингвистическая конфликтология/ лингвоконфликтология» возникли в концепции правового функционирования русского языка, предложенной Н. Д. Голевым – основателем

АЛЭП «Лексис», одной из первых независимых российских лингвоэкспертных организаций, а затем СИБАЛЭКС. В своих работах 90-х гг. XX в. он выявил два круга проблем, связанных с правовыми аспектами языкового существования. Во-первых, это неудачное создание, неадекватное толкование и применение официальных бумаг – от законов до патентов; причины этого, с одной стороны, – слабое знание законодательной техники или простая неграмотность тех, кто пишет документы, а с другой – правовая неискушенность населения и его же простая неграмотность. Это направление Н.Д. Голев назвал лингвоюристикой; здесь прикладная работа ведется и выполняется особый тип лингвистических экспертиз в специальных подразделениях законодательных органов разного уровня – от Государственной Думы РФ до региональных и городских; в Госдуме такую службу много лет возглавляет Н.А. Калинина. Отметим, что эту проблематику на страницах журнала «Экология языка» (2013. № 1) представили В.А. Мишланов и В.А. Салимовский в статье «Язык законов в свете законов языка».

Во-вторых, проблемы возникают, когда содержание и распространение текстов разных дискурсов и жанров квалифицируется как правонарушение/преступление, содержательные и формальные показатели таких текстов идентифицируются с признаками преступлений, а их авторы или издатели обвиняются по соответствующей статье закона. Для обозначения как гражданских деликтов, так и уголовных используется рабочий термин «речевое преступление» – их насчитывается до десятка; кстати, этим своеобразным конфликтам в юридической конфликтологии специальное внимание не уделяется, они упоминаются только в связи с несколькими частными вопросами. Явление, обозначаемое общим термином «речевое преступление» (РП), имеет двойственную природу – правовую и коммуникативную: это острые формы словесного конфликта, интерпретированные через призму закона. РП совершаются «посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т. е. текстов <...> В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем самом) заключен сам *Corpus delicti*, все объективные признаки судимого деяния» [Ратинов 2004: 104].

Возникновению речевой/лингвистической конфликтологии (ЛКЛ) в рамках лингвистики способствовал коммуникативный/дискурсивный поворот с его антропоцентричностью. «Близкородственной» для нее является юридическая конфликтология, в которой конфликт, обладающий различной природой и осуществляемый в институциональных разных сферах, но воплощаемый в том числе в речевом поведении и с помощью его результатов – текстов, рассматривается как объект правового регулирования. А в ЛКЛ особым объектом исследования стала коммуникативная ипостась конфликта как

«кванта» деструктивного общения в разных сферах профессиональной деятельности: в педагогике и торговле, менеджменте и в юриспруденции, в масс медиа, и особенно там, где речевая активность регулируется законодательно. Нормативность речевого поведения, его подчиненность сложной системе норм является одной из исходных позиций лингвоконфликтологии, что сближает ее с теорией культуры речи. Конфликт часто начинается из-за восприятия некоторым участником интеракции некоторой ситуации, некоторого действия, в том числе речевого, как значимого отклонения от норм, результатом которого может стать ущерб – физический, экономический, моральный. Поэтому к классической триаде норм: языковых, коммуникативных, этических – в ЛКЛ добавлена важная надстройка – правовая, которая становится высшим уровнем нормативности; кроме того, они дополнены деонтологией – нормами профессиональной этики (Кодексом профессиональной этики российского журналиста, Рекламным кодексом России).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ, ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ

ДИСКУРСИВНЫЕ, ЖАНРОВО-КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НОРМЫ

ЯЗЫКОВЫЕ (ЛИТЕРАТУРНЫЕ) НОРМЫ

ЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ

Речедеятельностная активность руководится целым комплексом законодательных установлений – начиная от Конституции РФ, где провозглашены принципы свободы слова и мнения и отказ от цензуры, продолжая кодексами – Гражданским и Уголовным, в которых защищаются права физического и юридического лица на честь, достоинство, деловую репутацию от распространения порочащих сведений; права людей на защиту от вражды и ненависти по признакам расы, национальности, языка, религии, пола, социальной группы; права общества и государства на безопасное и стабильное функционирование и на защиту от всех форм экстремизма, включая словесный. Особого рода права – информационные – регулируются и конституционно, и профильными законами о СМИ, о рекламе, об информационном обеспечении выборов (в составе избирательного законодательства); отдельным образом обеспечивается защита детей от вредоносной информации, которая распространяется в том числе в словесных произведениях. Наконец особое законодательство складывается по поводу функционирования государственного языка Российской Федерации (каковым по факту является литературная разновидность национального русского языка) в публичных сферах, включая недавние новеллы о запрете нецензурной лексики в СМИ, в кино, театрах и прочих культурных мероприятиях. Л.П. Крысин предложил удачный термин «конфликт норм»; его примеры указывают на проблему выбора между нормативным и

ненормативным вариантом типа «токари/ токаря». А в лингвоконфликтологии этим термином описывается выбор между экспрессивным, но ненормативным стилистическим средством или риторическим приемом/ коммуникативной тактикой и запретом на таковые, например, согласно профильному закону. Например, лингвистический конфликт норм, чреватый реальным информационным спором, видится нам в рекламных заголовках или названиях с орфографической ошибкой. Они создаются с целью позиционирования продукта для молодежной аудитории, чтобы привлечь ее внимание и вызвать желание приобрести, воспользоваться, посмотреть; к примеру, таково название сериала «ДЕФФЧОНКИ». Но вдруг оно спровоцирует какого-нибудь школьника на ошибку, тот получит низкую оценку – и возникнет уже конфликт «отцов и детей»? А ведь в ФЗ

«О государственном языке РФ» нет разрешения на ненормативные выразительные средства в рекламе – в отличие от журналистики, где разрешено использование ненормативной лексики, если оно объясняется художественным замыслом.

Это направление Н.Д. Голев предложил называть «юрислингвистика»; так теперь называется и журнал, который в 2012 г. пришел на смену ежегодному сборнику научных трудов, выходившему с 1999 г.

У юрислингвистики есть и зарубежные (Forensic Linguistics, т.е. судебная лингвистика), и отечественные предшественники и современники: с 60-х гг. XX в. – лингвокриминалистика (инициатор – Л.В. Златоустова), в 90-е – судебное речеведение (термин Р.К. Потаповой); правовая лингвистика (разработка Е.И. Галяшиной). Активизация в России рубежа XX-XXI вв. всех этих прикладных направлений и соответствующих теоретических исследований формируется в сложной политико-правовой среде, имеет неоднозначные причины. Позитивные – это конституционное утверждение гражданских прав, в том числе неимущественных, и рост у россиян само- и правосознания, чувства собственного достоинства, личной и корпоративной чести, которые защищаются в судебном порядке; осознание в российском бизнесе важности деловой репутации. Негативные – коммерциализация СМИ, формирование низкопробных вкусов массового читателя и потворство им; использование скандалов и лжи в СМИ как оружия в политических и бизнес-войнах. Формальным стимулом такого реагирования на медиатексты стало принятие в

1990 г. ФЗ РФ «О СМИ», где, с одной стороны, утверждались свобода слова и мнения, право аудитории на информацию и право журналиста на выполнение профессионального долга, а с другой – был введен запрет на злоупотребление свободой слова, под каковой начальство и нувориши стали все чаще понимать критику и разоблачение через СМИ административных и коммерческих манипуляций.

Средства массовой коммуникации (СМК) – это высококонфликтная рабочая сфера, где по социальным вертикалям и горизонталям коммуницируют разные страты общества, где социально значимая информация разного содержания (журналистского, рекламного, политического) производится в разных формах и транслируется разнообразным аудиториям и по разным каналам. Постсоветская журналистика заслуженно характеризуется как стёбовая, о чем неоднократно говорил в своих работах Г.Я. Солганик. Освободившись от политической цензуры, она бросилась в крайности: с одной стороны, развлекательность и скандальность, с другой – ангажированность и продажность; поэтому многочисленные иски об унижении чести и достоинства, предъявленные изданиям и журналистам, в значительной степени справедливы.

В то же время ответственное выполнение общественного предназначения сделало журналистику в последние годы профессией высокого риска: для журналиста критика в адрес властной или бизнес-инстанции оборачивается преследованием. Один из драматических примеров – судьба Михаила Бекетова. Вследствие его многолетней критики происходящего в подмосковном городе Химки, включая строительство трассы Москва-Петербург, и лично деятельности мэра В. Стрельченко он был обвинен в клевете на мэра, а потом избит до полусмерти, стал инвалидом; в восстановительный период лечения химкинский городской суд признал его виновным в клевете; и только Мосгорсуд, как более высокая инстанция, отменил приговор и оправдал журналиста.

При этом медиасреда продуцирует судебные дела практически по всем типам речевых правонарушений (административных и гражданских) и уголовных преступлений, а также информационные споры (они разрешаются в инстанциях профессиональной этики, например в Большом Жюри Союза журналистов России). Юридическая квалификация журналистского, а также политического текста как деликта варьирует от обвинения в распространении порочащих сведений (как в адрес Б. Немцова в его выступлениях против Ю. Лужкова и Е. Батуриной: от него потребовали выплаты многотысячных штрафов) до обвинения в клевете (для Ирека Муртазина, бывшего пресс-секретаря Муртазы Шаймиева, которому дали 1,5 года колонии за распространение в блоге слуха о смерти тогдашнего президента Татарстана М. Шаймиева) или в экстремизме (такие попытки предпринимались против публикаций в «Новой газете», посвященных опасностям русского национализма, на формальном основании, что в них цитируются высказывания персонажей с фашистскими убеждениями).

Поэтому журналистские и рекламные тексты регулярно становятся объектами исследования лингвистов-экспертов. Как показывает судебная практика, тексты можно

интерпретировать как деликты и «засудить» (был бы политический или экономический интерес и воля), какие бы лингвоэкспертные аргументы в их защиту ни приводились. Однако есть и случаи оправдания, и пересмотр дела с использованием лингвистической экспертизы; яркий пример – дело ставропольского журналиста Василия Красули.

Конфликты возникают и в рекламе, особенно часто – в коммерческой; так, по решению антимонопольного управления неоднократно налагались санкции за распространение слоганов мобильного оператора «Евросетъ»: *«Ни х..я себе! Всё людям!»* или *««Евросетъ», «Евросетъ»! Цены просто о...чень низкие!»*. Такая реклама заслуживает пресечения. В то же время рекламные произведения оказываются под ударом недобросовестной конкуренции, которая реализуется как наказание, инспирированное якобы оскорбленными представителями массовой аудитории, горожанами, и исходящее со стороны ФАС, а на самом деле – организованное конкурентом; на такие мысли меня навел ряд процессов в Екатеринбурге.

В таких случаях налицо многосторонний конфликт интересов, в разрешении которого опосредованно участвует и лингвист-эксперт, когда результаты герменевтической экспертизы становятся основой для судебных вердиктов. А его работа востребована, потому что понимание и истолкование медиатекстов представляет объективную трудность.

При этом вовлеченность эксперта в конфликт на стороне одной из сторон, эмоциональная, идеологическая или политико-административная, грозит неадекватностью результатов его исследования. И для работника СМИ существуют свои конфликтогенные угрозы, которые он должен уметь избегать. Поэтому конфликтологическая компетентность важна для всех сторон медиапроцесса; особенно важно закладывать ее при начале профессионального пути – т.е. в вузовском курсе. Так в курсе по юрислингвистике, который был создан Н.Д. Голевым для студентов филфака Алтайского университета, обучающихся по специализации «Филологическое обеспечение профессиональной коммуникации», впервые появился раздел по лингвоконфликтологии. Ее специализированными объектами стали конфликты, в которых участники манипулируют друг другом, мошенничают с контрагентами, нарушают требования деловой и бытовой этики, находясь на грани правонарушения и переступая ее; данная отрасль прицельно занимается опасными, неправовыми разновидностями речевых конфликтов. А для подготовки экспертов-речеведов в ИСЭ МГЮА лингвоконфликтология была спроектирована Е.И. Галяшиной как самостоятельная дисциплина, рассчитанная на семестр и являющаяся пропедевтическим курсом к теории и практике судебной лингвистической экспертизы. Мне посчастливилось

там ее преподавать несколько лет по приглашению проф. Галяшиной; и я разрабатываю ее дальше для студентов, изучающих журналистику в МГУ.

Цель того варианта лингвоконфликтологии, который читается в ИСЭ, – пропедевтическая: это познавательная и психологическая подготовка к вузовскому курсу судебной лингвистической экспертизы; это проникновение в природу конфликтного взаимодействия, в том числе коммуникативного, и закономерностей речевого общения, а также овладение основами дискурсивного анализа в интересах производства СЛЭ, приемы которой отрабатываются уже в следующем цикле дисциплин. С помощью специальной юрислингвистической терминосистемы и методик эксперты выявляют приметы, коррелирующие с признаками преступлений, и сообщают результаты экспертизы следователям и судьям, которые на этой основе сделают выводы правового характера. И адекватные ответы на типовые вопросы к конкретным высказываниям эксперты дадут лишь тогда, когда осознают истинный смысл целого текста (контекста) как «зерна» речевого события (конситуации); когда поймут подлинные движущие силы речевого поступка; узнают речедетальностные закономерности разных типов коммуникации, а также особенности вербализации, которые обоснованно, закономерно проявляются в речевом поведении автора через стилистические и риторические приемы и средства конкретного высказывания/текста; но ни истец, ни даже судебная сторона не желает этого учитывать.

Задачи курса ЛКЛ для экспертов-речеведов формулируются так:

- 1) знание универсальных закономерностей конфликтного взаимодействия, его объективных и субъективных сторон, возможностей его множественной типологии;
- 2) знание причин и движущих мотивов как основы содержательной классификации конфликтов, возникающих из-за борьбы за ресурсы, из-за пренебрежения некими ценностями, нарушения неких норм;
- 3) знакомство с разными типами конфликтов, многие из которых реализуются через СМК, знание классификации конфликтов по сферам возникновения;
- 4) понимание социально-психологических аспектов отношений конфликтантов, их поведения и поступков; типология конфликтных личностей; классификация конфликтов по роли участников: инициальный (конфликт воплощения и распространения) и респонсивный, ответный (конфликт понимания и реагирования);
- 5) особая задача спецкурса – изучение собственно коммуникативного конфликта, который возникает из-за того, что в качестве ресурса или ценности/ нормы предстает сама информация и аспекты ее создания, распространения, восприятия и отреагирования;

б) классификация КК по степени интенсивности и одновременно по интерпретирующей системе позволяет увидеть шкалу от коммуникативной неудачи к конфликту и к его острым фазам – информационному спору и речевому преступлению, которые, в свою очередь, описываются:

а) в лингвистических терминах, как отступления от требований литературных и стилистических норм и речевых конвенций;

б) в наивно-этических, деонтологических и юридических терминах – как нарушения соответствующих норм.

7) задачей лингвоконфликтологии для экспертов-речеведов является предварительное ознакомление их с предметом уже другого прикладного направления, теории судебной лингвистической экспертизы, – с текстовыми конфликтогенами, которые рассматриваются в двух системах координат: с одной стороны, в юридической – как лингвоправовые признаки речевых преступлений, которые зафиксированы в законах, с другой – в юрислингвистической – как показатели, выявляемые экспертами, которые в дальнейшем послужат вынесению адекватного судебного решения. Знание их составляет рабочий инструментариум лингвиста-эксперта (а также, скажем заранее, и область компетенции медиаработника).

Особая лингвометодическая задача состояла в том, чтобы обеспечить преимущество приемов истолкования и анализа конфликтогенных текстов, единых по «экспертной идеологии», от этапа предварительного (лингвоконфликтологического) к этапу основному (лингвоэкспертному).

В курсе важна также психологическая подготовка начинающих экспертов-речеведов, под которой понимается их способность сохранять объективный, рациональный подход к выявлению лингвосемиотических конфликтогенов, основанный на требованиях и формулировках закона. Они должны быть способными противостоять, с одной стороны, эмоциональной вовлеченности в конфликт, когда он в драматическом духе излагается в исковых заявлениях, с которыми обязательно знакомится эксперт, получая из суда или от заказчиков пакет документов; с другой – уметь противостоять манипулятивному потенциалу стереотипов относительно как стихийных правил речевого поведения, так и профессиональных коммуникативных конвенций. В частности, у экспертов должна быть развеяна предвзятость относительно функций масс медиа, которая приводит к неправильным трактовкам конфликтного текста. Ведь в России широко распространена – и в последние годы активно поддерживается политиками – оценка журналистики как деятельности продажной и критиканствующей; надо сказать, что это предубеждение против журналистики

свойственно отнюдь не только россиянам, а имеет глобальные масштабы. Отсюда готовность видеть в критическом журналистском выступлении «заказуху», заведомая уверенность в дискредитирующем эффекте таких публикаций, т. е. умышленном причинении журналистом нравственных страданий отрицательному персонажу и резком ухудшении отношения к нему со стороны аудитории вследствие знакомства с такой публикацией. И поэтому реципиенты журналистских текстов (и персонажи-истцы, и судьи) часто не различают порочащие сведения, под которыми законодатель понимает не соответствующие действительности сведения о нарушении человеком законов, правил деловой этики, требований общечеловеческой и/или этноспецифической морали, и негативную в широком смысле слова информацию – о неблагоприятных для человека событиях или ситуациях, но не о непосредственном нарушении им всяческих правил. Именно так, неадекватно, однажды была прочитана моими студентами на практических занятиях в ИСЭ статья о том, что глава одного подмосковного города отсутствовал на работе, потому что предположительно был под следствием, а заболев, оказался в тюремной больнице. Этот человек подал иск; журналисты обратились в ГЛЭДИС с просьбой подготовить заключение специалиста. Разбирая прецедент со студентами, я увидела, что они были готовы – вслед за истцом – считать эту информацию порочащей. Но (по большому счету) она таковой не является: пребывание некоего человека в тюрьме и под следствием не означает, что он совершил те преступления, в которых его обвиняют; а это значит, что информация об этом не подпадает под определение порочащей и, следовательно, за ее распространение нельзя привлекать к ответственности ни автора, ни издание.

Другая сложность работы с текстом заключается в том, что и судьям, и персонажам, которые возбуждают иск против журналиста и издания, и экспертам эффекты речевого воздействия, которые имеют в принципе вероятностный характер, часто представляются уже реализованными. Таким при выполнении экспертиз по диффамационным делам часто бывает восприятие эффекта дискредитации. Этот перлокутивный эффект мнится экспертам реально осуществившимся, пережитым аудиторией и искренне описанным истцом – а ничего подобного не было. Истец приписал себе неиспытанные отрицательные эмоции и плохое самочувствие, чтобы вчинить иск об унижении чести и достоинства и наказать журналиста; а аудитория либо не учла этой информации и не изменила отношения к персонажу, либо, наоборот, сочла негативные сведения о нем добрым знаком: на таком парадоксальном эффекте в России часто делаются политические карьеры «страдальцев» и/или «народных защитников», как это было, по мнению многих политологов, с карьерой Б.Н. Ельцина.

Поэтому знакомство будущих экспертов-речеведов с методиками производства и терминосистемами анализа разных речевых преступлений начинается уже в курсе ЛКЛ. Очень важно и в этом курсе утвердить их в понимании пределов компетенции судебных экспертов, которое прорабатывается и в юридическом, и в лингвистическом блоке их образования. Эти пределы заключаются в том, что все эксперты (включая лингвистов) обязаны делать наблюдения и выводы только с точки зрения своей области знания, обязаны выявлять причины и специфику некоторого происшествия/ситуации как предполагаемого деликта в своих профессиональных терминосистемах, не пользуясь правовой терминологией; эксперты не имеют права выносить суждения о юридической сущности объекта, чтобы тем самым не подменять следователя или судью.

В настоящее время есть резоны и возможности адаптировать ЛКЛ для нужд другого гуманитарного образования – журналистского (в широком значении термина), для студенческой аудитории, из которой выходят вольные или невольные инициаторы медиаконфликтов. «Вал» исков против журналистов и рекламистов способствовал развитию соответствующих исследований, вызвал к жизни необходимость модифицировать этот курс для работников масс медиа. Поэтому работа в масс медиа подразумевает необходимость со студенческой скамьи осознать высокую конфликтность творчества в этих областях и регуляцию его не только профессиональными жанрово-стилистическими закономерностями, но и национальным и международным законодательством, что предполагает совершенно иную – высокую – степень ответственности. Лингвоконфликтология для медиарботников создается в целях профилактики речевых преступлений в СМК, тогда как аналогичный вузовский курс для экспертов-лингвистов – в целях доказательства их совершения или их отсутствия. В том и в другом варианте ключевым оказывается вопрос о специфике конфликтов, источником которых является речь/текст как некий ресурс, как ценность, по сравнению с теми, в которых текст может оказаться формой, но не собственно причиной неконструктивного взаимодействия. А полифункциональность общения в разнообразных сферах деятельности требует знакомства с конфликтами в них; и конечно, знания общеконфликтологической проблематики. Знание авторами и издателями «подводных камней» – лингвосемиотических показателей, характерных для того или иного речевого деликта, играет немаловажную роль: доказательная демонстрация, что в тексте они отсутствуют, может остановить судебное преследование; а еще лучше дать медиарботникам установку – заведомо избегать конфликтогенных экспресем, писать по возможности сдержанно, если и критиковать – то корректно.

Вариант лингвоконфликтологии, подготовленный для журналистов, призван дополнить преподавание закономерностей журналистского творчества изучением социальных (политических и экономических) и психологических мотивов правонарушений, совершающихся и диагностируемых через медиатексты. Его концептуальной основой является деятельностное представление журналистского творчества как особого типа профессионально ориентированной коммуникации. Цель этого курса в рамках медиаобразования – утвердить будущих работников СМК в понимании того, насколько взаимообусловлены профессиональные компетенции в креативе и в деонтологии, включая ее правовой блок. Специфическая цель есть у него и в пределах учебного процесса – он связующее звено между стилистическим и правовым блоком медиаобразования: в нем обнаруживается прикладное значение каждого из них, в анализе прецедентов реализуются полученные в них знания и умения. Предположительно, этот спецкурс будет предложен на кафедре права СМИ для старшекурсников любых отделений и для слушателей второго высшего образования по специализации с рабочим названием «Судебная журналистика». Поэтому в варианте для медиарботников, исходя из интересов профессии, этот курс должен, на наш взгляд, выстраиваться как гибрид, как квинтэссенция лингвоконфликтологии и теории и практики судебной лингвистической экспертизы. Как в судебно-экспертном образовании лингвоконфликтология посредничает между юридическим, гуманитарным (конфликтологическим) и лингвистическим блоком, так и спецкурс для журналистов (в широком понимании) не просто необходимый посредник между медиаправовым и стилистическим блоком дисциплин – он важный компонент формирования сразу двух компетенций по двум блокам дисциплин: правовой и культурно-речевой – и специально предназначен для формирования компетенции лингвоконфликтологической

Итак, лингвоконфликтология – это новое направление, где изучается деструктивное речевое поведение – механизмы возникновения коммуникативных конфликтов, методы изучения и алгоритмы предупреждения в конкретных речедеятельностных ситуациях. Она активно развивается как теоретическая база лингвистической экспертизы, как вузовская дисциплина при подготовке экспертов-речеведов и журналистов.

Список литературы

Конфликтология для XXI века: наука, образование, практика. Материалы Санкт-Петербургского конгресса конфликтологов, посвященного 10-летию образовательной программы по конфликтологии в России: в 2-х тт. СПб., 2009.

Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т.5. Работы 1940 – начала 1960-х годов. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 159–206.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 560 с.

Ионова С.В., Шаховский В.И. Человек и его языковая среда: эколлингвистический аспект // Антропология языка. The Anthropology of Language: сб. ст. Вып. 2. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 137–149.

Ратинов А.Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. Изд. 2, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Изд-во «Медея», 2004. С. 101–116.

Соллогуб Н. Экология слова и экология языка. URL: www.litprichal.ru/work/48538/ (дата обращения: 14.10.2013)

References

Konfliktologiya dlya XXI veka: nauka, obrazovanie, praktika [Conflictology for the XXI century: science, education, practice]. *Materialy Sankt-Peterburgskogo kongressa konfliktologov, posvyashhennogo 10-letiyu obrazovatel'noj programmy po konfliktologii v Rossii: v 2-kh tt [Materials of the St. Petersburg congress konfliktologov, devoted to the 10 anniversary of an educational program on conflictology in Russia: in 2 vol]*. SPb., 2009.

Bakhtin M.M. Problemy rechevykh zhanrov [The problems of speech genres]. *Sobranie sochinenij. T.5. Raboty 1940 – nachala 1960-kh godov [Collected works. V.5. The works of 1940 – principles of 1960]*. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997. Pp. 159–206.

Boldyrev N.N. Interpretiruyushhaya funktsiya yazyka [The interpretative function of language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 33 (248). Ser. Philology. Study of art. Issue 60. Pp. 11–16.

Dement'ev V.V. Nepryamaya kommunikatsiya [Indirect communication]. M.: Gnozis Publ., 2006. 560 p.

Ionova S.V., Shakhovskij V.I. Chelovek i ego yazykovaya sreda: ehkolingvisticheskiy aspekt [Man and his linguistic environment: ecolinguistic aspect]. *Antropologiya yazyka [The Anthropology of Language]: collection of papers. Vol. 2*. M.: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2012. Pp. 137–149.

Ratinov A.R. Posleslovie yurista. «Kogda ne stesnyayutsya v vyrazheniyakh...» [Epilog of the lawyer. "When Concepts of honor, advantage and business reputation don't mince words ..."]. *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoj reputatsii. Spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami [Disputable texts of mass media and problem of their analysis and assessment lawyers]*. Izd. 2, pererab. i dop. Pod red. A.K. Simonova i M.V. Gorbanevskogo. M.: Izd-vo «Medeya», 2004. Pp. 101–116.

Sollogub N. Ehkologiya slova i ehkologiya yazyka [Ecology of the word and ecology of language]. Available at: www.litprichal.ru/work/48538/ (accessed 14.10.2013)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кара-Мурза Елена Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Россия, 119019, Москва, Моховая улица, 9

E-mail: kara-murza-elena@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kara-Murza Elena Stanislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Stylistic.

Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov

9 Mokhovaya ulitza, Moscow 119019 Russia

E-mail: kara-murza-elena@yandex.ru